

А.М. Лидов

ИЕРУСАЛИМСКИЙ КУВУКЛИЙ. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛУКОВИЧНЫХ ГЛАВ

// Иконография архитектуры, под ред А.Л. Баталова. М., 1990, с.57-68

Луковичные главы – наиболее характерная отличительная особенность древнерусских храмов, своей необычностью сразу привлекающая всех, впервые знакомящихся с русской архитектурой. Вопрос о происхождении луковичных глав занимал умы исследователей еще в XIX веке. Многочисленные и весьма разнородные суждения были систематизированы в фундаментальной работе А.П. Новицкого "Луковичная форма русских церковных глав. Ее происхождение и развитие", опубликованной в 1909 г. и по настоящее время являющейся единственным специальным исследованием данной проблемы.¹ Автор выделил две основные теории, вокруг которых группировались практически все высказанные мнения.

Первая теория, господствовавшая в трудах зарубежных историков архитектуры, связывала появление луковичных куполов с восточным влиянием. При этом источники назывались самые разные. Наиболее популярными были идеи индийского или татарского происхождения луковичной главы. В крайне резкой форме эта теория нашла отражение в широко известной "Истории архитектуры" Дж.Фергюсона, где сказано буквально следующее: *"Татары принесли с собою луковичную форму купола, и русские приняли ее и держатся за нее до сих пор, не замечая, что это есть символ порабощения их расою, которую они презирают. За исключением одной этой формы, архитектура их не более, как слабая, негодная копия с византийской"*.²

Своего рода реакцией на подобные суждения была вторая теория самобытного происхождения, отстаиваемая в работах отечественных исследователей. Согласно этой теории, византийский купол постепенно превратился в русскую луковицу под воздействием климатических условий и традиций деревянного зодчества. К последнему мнению присоединяется А.П. Новицкий, подробно аргументирующий мысль о сложении луковичной формы в деревянной архитектуре. Правда исследователь одновременно высказывает обо-

---

¹ Новицкий А.П. Луковичная форма русских церковных глав. Ее происхождение и развитие // Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников. – М., 1909. – Т. III. С. 349–862.

² Fergusson J. A History of Architecture. Vol. II – London, 1867. – p. 50.

снованное сомнение в возможности эволюционного пути. Он пишет: "*Восточный купол, как персидский, так и индийский, хотя имеет другую форму, чем купол византийский, но тоже получает свою форму непосредственно от самой кладки. Уже одного этого свойства их достаточно, чтобы заключить, что они никогда не могут придти к форме луковицы, так как свод не может принять формы луковицы. Все эти купола имеют обязательно такую форму, которая давала бы своду полную устойчивость. Форма же луковицы как раз обратна этому требованию и никакой устойчивости иметь не может. Она может быть исключительно декоративной формой и быть построена или в виде глухой главки, или же при помощи стропил*".³

Наука нашего столетия практически ничего не добавила к рассуждениям А.П. Новицкого. Вопрос остался открытым, но при этом как бы несуществующим. Сегодня с большой долей уверенности можно сказать, что луковичные главы появляются в древнерусском каменном зодчестве на рубеже XVI–XVII вв., поскольку не известно ни одного памятника, в котором луковичная глава могла бы быть точно датирована ранее, чем концом XVI в. В XVII в. луковичные купола становятся практически обязательной чертой каждого православного храма, что обычно связывают с общей тенденцией к большей декоративности в искусстве этого столетия. В луковичной форме, как правило, видят продукт эволюции, допуская возможность различных влияний.

Не вступая в полемику с этой весьма общей теорией, хотелось бы предложить новую гипотезу происхождения луковичных глав. На наш взгляд, луковичная глава является не формально декоративным, а иконографически значимым мотивом, имеющим конкретное символическое содержание. В пользу данного тезиса можно привести ряд аргументов. Во-первых, луковичная глава представляет собой очень причудливую и в некоторой смысле противоестественную архитектурную форму, требующую возведения над сводом специальной конструкции. Такое значительное усложнение строительной задачи трудно объяснить лишь тягой к декоративности и тем более постепенной эволюцией формы. Кроме того, нельзя забывать, что речь идет о церковной главе, с символической точки зрения одной из наиболее важных частей храма, где чисто

---

³ Новицкий А.П. Указ. соч. – С. 856.

декоративные эксперименты до XVII в. кажутся маловероятными, вступающими в противоречие со средневековым религиозным способом мышления.

Все эти странности достаточно легко объясняются, если предположить, что введение луковичных глав было некой идейной программой, а сама форма купола воспроизводила символически значимый образец. Попытаемся найти искомый образец. Для этого проанализируем иконографический мотив луковичной главы в восточнохристианском искусстве до XVII в. Сложившуюся форму луковицы обнаруживаем в Большом и Малом сионах Успенского собора Московского Кремля,⁴ созданных в 1486 году, то есть, как минимум, за столетие до утверждения луковичных глав в древнерусском зодчестве. Изображающие церковь сионы, хранящиеся в главном соборе страны, могли служить непосредственно источником нового архитектурного решения. Сионы использовались в Византии и на Руси как дароносные сосуды во время особо торжественных богослужений.⁵ О функциональном назначении сионов в науке существуют разные мнения,⁶ но в одном сходятся все исследователи – форма сионов воспроизводит ротонду Воскресения, воздвигнутую над Гробом Господним в Иерусалиме. Такая интерпретация находит убедительное подтверждение в свидетельстве Павла Алеппского, который, наблюдая в 1655 г. богослужение в новгородском Софийском соборе, отметил, что "во время литургии диаконы несли серебряное изображение Сионской церкви и храма Воскресения".⁷ С помощью сионов, имеющих второе не менее характерное наименование – "иерусалимы", – устанавливалась символическая связь с первоцерковью, поставленной над первоалтарем – местом погребения и воскресения Христа.⁸ Неразрывное единство с ротондой Воскресения

⁴ 4. См.: Толстая Т.В. Успенский собор Московского Кремля. – 1977. – М. – Илл. 119–120.

⁵ См.: Покровский Н.В. Иерусалимы или Сионы // Труды XV археологического съезда в Новгороде. – Т. I. – М., 1914. – С. I–41; Grabar A. Le reliquaire byzantin de la cathedrale d'Aix de Chapelle. // Grabar A. L'art de la fin de l'antiquite et du Moyen age. – Vol. I. – Paris, 1968, – p. 427–433.

Стерлигова И.А. Малый Сион из Софийского собора в Новгороде. // Древнерусское искусство. Художественная культура X – первой половины XIII в. – М., 1988. – С. 272–286.

⁶ Основные мнения и современный взгляд на проблему изложены в работе И.А. Стерлиговой, в которой подробно интерпретируется ранее не учтенный факт размещения в основании новгородских сионов литургических дисков (Стерлигова И.А. Указ. соч. – С. 282–286).

⁷ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. // ЧОИДР. – вып. 4 – 1898. – С.84.

⁸ Понимание Гроба Господня как прообраза всех алтарей традиционно для христианского богословия. В одном из древнейших литургических толкований читаем: "Святая трапеза есть место, где положили Христа во гробе его" (Красносельцев Н.Ф. О древних литургических толкованиях. – Одесса, 1894. – С. 63).

составлял кувуклий или киворий – балдахин, сооруженный непосредственно над Гробом Господним.⁹ Поставленный в центре он являл собой символическую сердцевину церкви, своеобразный протохрам, вокруг которого как некая гигантская оболочка возвышалась ступенчатая ротонда Воскресения.¹⁰ Примечательно, что в течение длительного времени ротонда не имела купольного завершения. Однако при изображении храма Воскресения средневековые художники всегда воспроизводили купол, имея в виду купольное завершение кувуклия.¹¹

На наш взгляд, именно этот купол кувуклия стремились передать авторы московских сионов, изображая несуществующие в реальной архитектуре луковичные главы. К сожалению, древний кувуклий до нашего времени не сохранился.

Небольшая часовня, стоящая ныне над Гробом Господним, является результатом позднейших переделок и кардинальной реконструкции всего комплекса, осуществленной крестоносцами в середине XII в. Однако на основании текстов и изображений можно попытаться воссоздать облик древнего кувуклия. Надо сказать что кувуклий и его завершение всегда имели необычную и даже причудливую форму, привлекавшую внимание многочисленных паломников, пришедших поклониться величайшей христианской святыне. От времени строителя храма Гроба Господня Константина Великого кувуклий существенно переделывался несколько раз: в начале VII в. после разграбления Иерусалима персами и в середине XI века, когда византийский император Константин Мономах восстановил церковь Воскресения после тотального разрушения всего комплекса Гроба Господня в 1009 г.

Представления о формах кувуклия в IV–VI веках можно получить не только из

В этой связи особое значение приобретает древнейшее упоминание о сионах в описании литургической службы VI в., в котором башнеобразная форма ковчега, приносимого к алтарю, объяснялась тем, что "гроб Господен был изсечен в скале на подобие ковчега, и там положенное покоилось тело Господне". См.: *Голубцов А.П.* Соборные чиновники и особенности службы по ним. – М., 1907. – С. 218.

⁹ Исторические свидетельства о комплексе Гроба Господня собраны в книге: *Vincent H.* et *Abel F.-M.* Jerusalem. Recherches de topographie, d'archeologie et d'histoire. – Vol. 2. – Paris, 1922, – p. 89–300.

См. также: *Кондаков Н.П.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. – СПб., 1904. – С. 143–196; *Согбо V.* Il Santo Sepolcro di Gerusalemme. – Jerusalem, 1982.

¹⁰ Характерно, что древнейшие сионы более похожи на кувуклий, чем на ротонду. Это, в первую очередь, относится к двум новгородским "иерусалимам" и Аахенскому реликварию.

¹¹ Церковь Воскресения часто воспроизводилась в сценах "Входа в Иерусалим", а также в композициях "Гроб Господен". См.: *Ильин М.А.* Изображение Иерусалимского храма на иконе "Вход в Иерусалим" Благовещенского собора // *Византийский временник*, – 1959. – Т. XVII. – С. 105–118; *Рындина А.В.* Особенности сложения иконографии в древнерусской мелкой пластике. "Гроб Господен". // *Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода*. – М., 1968. – С. 233–236.

описаний, но и по довольно точным изображениям на ампулах Святой Земли, которые приобретались паломниками непосредственно в Иерусалиме.¹² Н.П. Кондаков, сопоставлявший изображения с текстами, дает такое описание первого кувуклия: "Легкое шатровое сооружение, своего рода сень, которой верх сведен круглым куполом, поделенным на шесть конических сечений шестью ребрами и по подзору прикрыт шестью арками, нижняя часть или поддерживается колонками или украшается ими по фасаду".¹³ В VII–X вв., как можно судить по описаниям¹⁴ и формам Аахенского реликвария¹⁵ второй половины X в., кувуклий сохранил свое необычное завершение, образуемое несколькими рельефными лопастями, но при этом стал больше напоминать традиционный купол с выпуклой нижней частью и круглым навершием.

В середине XI в. после восстановительных работ Константина Мономаха купол кувуклия приобрел луковичную форму. Об этом ясно свидетельствуют миниатюры из псалтыри королевы Мелисенды, созданные в 1131–1143 гг. в скриптории при храме Гроба Господня в Иерусалиме.¹⁶ Изображения храмов венчают луковичные главы, воспроизводящие необычную архитектурную форму, которую создатели миниатюр могли видеть ежедневно во время богослужений в храме Воскресения. Знаменательно, что рисунок лукавицы включает несколько вертикальных линий, изображающих ребра между рельефными лопастями, по всей видимости, сохранных от более ранних образцов и в кувуклии Константина Мономаха. Отметим еще один характерный мотив: лукавицы в миниатюрах расчерчены тонкими линиями, создающими иллюзию пластинчатого покрытия купола. Объяснение этому странному мотиву находим в тексте "Хождения" игумена Даниила, оставившего наиболее полное описание иерусалимского кувуклия, который, по словам русского паломника, представлял собой в начале XII в. "теремец красен на

¹² Conant K.J. The Original Buildings at the Holy Sepulchre in Jerusalem. // *Speculum*. – 1956. – XXI, - No I, – p. 3–5; Grabar A. Les ampoules de la Terre Sainte (Monza, Bobbio). – Paris, 1958; Barag D., Wilkinson J. Monza Bobbio Flasks and the Holy Sepulchre / *Levant*. – 6, – 1974, – p. 179–187.

¹³ Кондаков В.П. Указ. соч. – С. 168.

¹⁴ Одно из наиболее подробных описаний см.: Фотия, архиепископа Константинопольского, о гробе Господа нашего Иисуса Христа и другие малые его творения между 867 и 878 годами // *Православный палестинский сборник*. – т. XI. – в. I (вып. 31). – СПб., 1892. – С. 5–7.

¹⁵ Grabar A. Le reliquaire byzantin... – p.427–433; Saunders W.B.R. The Aachen reliquary of Eustathius Maleinus, 969–970. // *Dumbarton Oaks Papers*. – 36, – 1982, – p. 211–219.

¹⁶ Buchta H. Miniature Painting in the Latin Kingdom of Jerusalem. – Oxford, 1957. – p.139–140, pl. 3, 4a, 5b.

столпех, верху кругол и серебряными чешуями позлащенными покован".¹⁷

Миниатюристы с возможной для средневекового рисунка точностью воспроизвели эти серебряные пластины. Выразительная деталь снимает последние сомнения в том, что луковичные главы в миниатюрах передают именно купол кувуклия над Гробом Господним.¹⁸

Со второй половины XI в. изображения луковичных глав получают достаточно широкое распространение в искусстве православного мира. Вероятно, это прямо связано с огромным общественно-политическим и религиозным значением, которое придавалось в Византии обновлению храма Гроба Господня императором Константином Мономахом в 1042–1048 гг.¹⁹ Луковичная глава становится устойчивым, освященным авторитетом византийской церкви иконографическим мотивом, сохранявшим статус символического обряда и после кардинальной переделки иерусалимского кувуклия латинянами-крестоносцами в середине XII в.

При этом луковичная глава встречается не только в конкретных воспроизведениях иерусалимского храма, но и в любом изображении церкви, которому она придавала характер универсального знака. Очевидно, луковичная глава изначально воспринималась не просто как архитектурная реальность Иерусалима, но как идеальная форма церковной главы, символически указывавшая на внутреннее единство каждой христианской церкви с первохрамом Гроба Господня. Для понимания смысла иконографического мотива существенно важно, что храм Гроба Господня, возникший на месте искупительной жертвы и воскресения Христа, истолковывался богословами как Новый Иерусалим, зримое воплощение Царства небесного.²⁰ Иными словами, введение луковичной главы вызывало мысль об идеальном храме как точном образе Нового Иерусалима.

Символически емкий мотив луковичной главы получает широкое

¹⁷ Житие и хождения Даниила, русския земли игумена, 1106–1107 гг. // Православный палестинский сборник. – Вып. 3 – СПб., 1885. – С. 18.

¹⁸ Имитация пластин и ребер становится традиционной в изображениях луковичных глав. Примечательно, что и в московских сионах XV в. луковичные купола имеют как бы пластинчатое покрытие, переданное с помощью гравировки.

¹⁹ Ousterhout R. The Byzantine Holy Sepulchre. // Ninth Annual Byzantine Studies Conference. Abstracts of Papers. – Durdam, 1983, – p. 61–62.

²⁰ Впервые эта мысль выражена у Евсевия Кесарийского, в жизнеописании императора Константина неоднократно сравнивающего храм Гроба Господня с "предвозвещенным пророками новым Иерусалимом". См.: *Евсевий Памфил. Сочинения.* – Т.2. – СПб., 1849. – С. 194.

распространение и в древнерусском искусстве. Знаменательно, что луковичную форму главы находим в изображениях иерусалимского кувуклия на русских каменных иконках "Гроб Господень", датируемых XII веком.²¹ Не менее примечательно стремление резчика передать в небольшой и достаточно схематичной композиции пластинчатое покрытие купола. Среди наиболее ранних примеров можно отметить и миниатюру из Добрилова евангелия 1164 г., в которой над евангелистом изображена луковичной формы церковная глава о характерной имитацией чешуйчатого покрытия.²² В искусстве XIV–XVI вв. луковичные главы встречается достаточно регулярно. К примеру, в миниатюрах Лицевого летописного свода практически все изображения церкви имеют луковичные завершения. Мотив был хорошо известен, поэтому нельзя исключить возможность его использования в архитектурных формах и до конца XVI в. Однако быстрое и повсеместное утверждение луковичных глав в каменном зодчестве XVII в., стремление заменить старые купола на новые луковичные, распространение луковицы исключительно в русских храмах заставляет предположить, что процесс перевода стилизованного символического мотива в реальную архитектурную форму был стимулирован конкретной инициативой центральной власти.

На наш взгляд, эта инициатива относится ко времени Бориса Годунова,²³ в правление которого идея "Москвы – второго Иерусалима" приобретает совершенно особое звучание. По свидетельству источников, главное дело своей жизни царь Борис видел в создании в Московском Кремле Святая святых, точного воспроизведения иерусалимского храма.²⁴ Во "Временнике Ивана Тимофеева" читаем: *"Еже о здании святая святых храма сего весь подвиг бе; яко же во Иерусалиме, во царствии си хотяше устроити, подражая мняся по всему Соломону"*, и далее *"Христа Бога гроб, божественная его плоти вместилище, с сущего от их во Иерусалиме мерою и подобием, златослиянием весь вообразите подцася"*.²⁵ Задуманное и почти

²¹ Николаева Т.Л. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. – М., 1983. – Табл. 18, 3–4. № 86–87. – С. 68.

²² Порова О. Les miniature russes du XIe au XVe siecle. – Leningrad, 1975, – p. 27, pl. 8.

Обращает на себя внимание расположенное под луковичным куполом низкое широкое основание, прорезанное арками – окнами, такая трактовка барабана характерна для изображений иерусалимской ротонды Воскресения.

²³ К сожалению, в письменных источниках пока не удалось обнаружить прямых свидетельств. Это может быть объяснено тем, что долгое время после смерти Бориса Годунова связанные с его именем инициативы, подвергались сознательному забвению.

²⁴ Баталов А.Л., Вятчина Т.Н. Об идейном значении и интерпретации Иерусалимского образца в русской архитектуре XVI–XVII вв. // АН. – вып. 36. 1988. – С.24–29.

²⁵ Временник Ивана Тимофеева. – М., –Л., 1951. – С. 64–65.

осуществленное Борисом Годуновым золотое воспроизведение кувуклия Гроба Господня, видимо, должно было стать главной реликвией Русского государства. Нам кажется вполне вероятным, что разрушенный Лжедмитрием I "золотой гроб" мог иметь луковичную главу. В пользу этого говорят и луковичные главы собора Покрова на Рву, по мнению ряда исследователей, впервые появившиеся на перестроенном после пожара храме в царствование Федора Иоанновича и правление Бориса Годунова.²⁶ Луковичные главы были призваны подчеркнуть изначальный символический замысел многоглавого и многопрестольного Покровского собора, задуманного как храм-город, образ Нового Иерусалима, зримым воплощением которого был для каждого христианина комплекс Гроба Господня.²⁷ Архитектура Покровского собора заставляет задуматься о других, не только символических аспектах проблемы луковичных глав. Жизнь формы в реальной архитектуре находилась под воздействием многих факторов. Однако их рассмотрение не входило в задачу предложенного чисто иконографического исследования, призванного обосновать новую гипотезу, суть которой сводится к следующему: луковичная глава изначально являлась иконографическим мотивом, воспроизводящим купол иерусалимского кувуклия над Гробом Господнем в той форме, которую он приобрел в середине XI в.

²⁶ В. Л. Снегирев связывал известное летописное сообщение – "Во дни благочестивого царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси зделаны верхи у Троицы и у Покрова на Рву ровными обрасцы и железом немецким обиты; и от пожару от самого не бысть верхов на тех храмах". (ПСРЛ, т. XXXIV. – С. 200), с пожаром 1595 г. – *Снегирев В.Л.* Памятник архитектуры храм Василия Блаженного. – М., 1958. – С. 80. Однако он не указывал, появились ли эти главы впервые после 1595 г. Определеннее высказывался Н. Н. Соболев, связывавший летописное известие с пожаром 1583 г.: "Сооружение вновь в 1586 г. главы, очевидно уже приобрели ту форму, которая дошла до нашего времени" – *Соболев Н.Н.* Проект реконструкции памятника архитектуры – храма Василия Блаженного в Москве. // *Архитектура СССР.* – 1977. – № 2. – С. 48. На реконструкции собора 1561 г. Н.Н. Соболев показывает главы без подчеркнутой луковичной формы. – *Там же.*

²⁷ Такую интерпретации архитектурного замысла Покровского собора находим в работах: *Ильин М.А.* Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. – М., 1980. – С. 68; *Баталов А.Л., Вятчина Т.Н.* Указ. соч. – С. 29–86.

Не наш взгляд, одним из источников необычной многостолпной композиции Покровского собора могла быть чисто русская иконография "Гроба Господня". На каменных иконках XIV–XV вв. храм Гроба Господня изображается в виде многостолпного, часто семиглавого архитектурного сооружения, не имеющего практически ничего общего с реальными формами Иерусалимского комплекса. См.: *Николаева Т.В.* Указ. соч. – Табл. 27, 1–2. – С. 84.